

ГЕОГРАФИЯ

УДК 910: 911, 930

Ал. А. Григорьев, Г. Н. Паранина

КУЛЬТУРНАЯ ГЕОГРАФИЯ: ШАГ К ИСТОКАМ?

Культурная география — новое направление географии в России, которое получило развитие в последние 20 лет, главным образом в последнее десятилетие. Ее появление (также как и ряда других направлений, например, геополитики, краеведения) связано с изменением идеологии нашего государства. В отличие от зарубежной науки ряд направлений в отечественной географии был практически запрещен (те же геополитика и краеведение), а другие (культурная география) не получили должного развития. При этом сам термин в нашей стране впервые был употреблен в 1913 г. будущим акад. Л. С. Бергом, а в США в 1925 г. географом Карлом Зауэром. Однако, если за рубежом затем возникло целое научное направление [1–5] (издаются даже журналы *Culture geography*), в нашей стране его формирование задержалось на многие десятилетия.

Термин культурная география (а может быть, благозвучнее и менее двусмысленно было бы — геокультурология?) используют многие специалисты и не только географы. Однако существенный вклад в это направление внесен именно географами. Масштабное многоаспектное развитие культурной географии и даже ее появление связано, прежде всего, с начинаниями географов-естественников: Ю. А. Веденина и его коллег [6–9], Н. В. Калуцкова и его соавторов [10–11], а также экономико-географа А. Г. Дружинина [12], а позднее Д. Н. Замятина [13]. Пионерские исследования позволили им подойти к разработке теоретико-методологических основ географических исследований культуры.

Среди не географов наибольший вклад в культурную географию внес Н. М. Терехин [14–15]. Разумеется, как для всего нового, и здесь возникают споры — самостоятельная ли это наука и относится ли она к географии, что следует включать в нее и т. д. Попытки ответить на эти вопросы предпринимают как географы, специализирующиеся в области общественной географии [16–20], так и географы-естественники [21–22].

Авторы статьи (географы-естественники) попытаются ответить на эти и подобные вопросы, исходя не столько из теории, сколько из практики исследований в этом направлении в России и, отчасти, собственного опыта подобных исследований в области сакральной географии, географии наследия, семиотической географии, географических исследований на стыке с археологией в Карелии, Ленинградской, Псковской, Мурманской, Новгородской областях и в Хакассии, — как бы изнутри.

Как и у всякой новой науки (ветви географии), обсуждается прежде всего ее определение. По мнению авторов, предметом исследования культурной географии, возникшей на стыке географии с целым рядом гуманитарных наук (историей, этнологией и др.), являются географические аспекты феномена «культура». Подобным же образом такие науки как, например, политическая, военная география отличаются от политологии или военного дела именно своей географической направленностью. При этом имеется в виду, в частности, привязка феномена культуры к ландшафту, географическому пространству в целом, изучение пространственных закономерностей, а также временной изменчивости в связи с пространственными особенностями, изучение связи с различными особенностями ландшафта и географического пространства, географическое районирование явлений культуры, и, разумеется, картографический анализ с помощью разнообразных специальных карт и другие приемы представления и изучения феномена культуры как географического явления.

Напомним определение понятия культуры философом Н. Бердяевым: «Культура родилась из культа. Истоки ее — сакральны» [23]. Заметим также, что ниже пойдет речь о феномене «культура» только в узком смысле этого термина, как его и понимают специалисты, занимающиеся ею, и культурологи, и ни в коем случае не в значении ее, равнозначном цивилизации. Вспомним Н. К. Рериха, согласно которому культура не равнозначна цивилизации, — она имеет духовное значение, а в основе цивилизации — гражданственное, общественное строение жизни [24]. За рубежом иногда культурную географию пытаются отождествить с гуманитарной, то есть со всей общественной географией, однако в большинстве случаев все же справедливо считают ее разделом последней. Среди упоминаемых авторами исследователей не все являются географами, однако все они внесли малый или большой вклад в рассматриваемое направление науки.

Базовой составляющей направления культурной географии является природная обстановка в том или ином регионе, в котором рассматривается культурный феномен. Существование зависимости объектов традиционной культуры от природных особенностей — давно установленный факт. Однако детали этой зависимости требуют специальных исследований, поскольку изменяются для разных видов геокультурных феноменов (например, для мегалитических памятников, народных орнаментов или для топонимов). Пространственно-временные вариации специфики этой зависимости смогут наиболее отчетливо просматриваться при использовании ландшафтного подхода.

Концепция неразрывной связи культурного феномена с природным окружением ориентирует на исследование различных аспектов геообстановки. Одним из ключевых понятий при этом становится геокультурное пространство. Под ним надо понимать территорию, насыщенную культурными феноменами, как материальными, так и духовными (ментальными). Формирование геокультурного пространства происходит в процессе исторического освоения территории. При этом формирующиеся культурные феномены не просто проецируются (накладываются) на ту или иную территорию, а каждый из них несет в себе определенный «заряд» природной обстановки, которая существовала в период возникновения нового культурно-исторического события, запечатленного в культурном феномене (народном сказании, памятнике — крепости, монастыре).

Разумеется, можно выделить разные уровни геокультурного пространства. Самые крупные — в масштабе страны, группы стран и наконец, субконтинентальных регионов. Макромасштабные различия геокультурного пространства будут определяться,

прежде всего, этническими, языковыми, расовыми и религиозными особенностями. Заметим, что эти факторы — внешние, видимые. Глубинными факторами являются природные особенности, которые требуют смыслового раскрытия. Внешние факторы общественно-географического развития определяют, например, различия геокультурного пространства Польши и Норвегии. Жители этих государств (поляки и норвежцы), говорят на языках далеких друг от друга языковых групп, принадлежат к разным религиозным конфессиям (первые в основном католики, а вторые — лютеране).

Многовековое освоение жителями Польши и Норвегии территорий к югу от Балтики и к северу от нее, в северной части Скандинавии, равнинной в первом случае и гористой — во втором, в процессе общественного развития обусловило неодинаковые специфические черты приспособления к местности, реакции на весь комплекс непохожих природных условий. Именно они, «вошедшие в кровь» жителей обеих стран, определившие их обычаи, менталитет в целом, являются значимыми в самоидентификации поляков и норвежцев, как коренных обитателей районов их проживания. Поэтому геокультурные феномены на территории Польши и Норвегии, возникшие в процессе длительного освоения ее, разумеется, непохожи и сугубо самобытны.

Более крупные единицы геокультурного пространства объединяют народы, говорящие на близких языках, например, славянской или германской группы языков, соответственно объединяющих в единое геокультурное пространство такие страны, как Швеция, Исландия, Дания, Норвегия, Германия и Австрия с одной стороны и славянские государства — Польша, Словения, Словакия и т. д. Самые крупные единицы геокультурного пространства определяются религиозными факторами. Их сущность (также как и этнических факторов) глубоко обусловлена природными особенностями, проявления которых, впрочем, трансформированы, иногда до неузнаваемости, общественными процессами.

Одним из терминов культурной географии является культурный ландшафт. Правы ландшафтоведы [21–22] в том, что большинство отечественных специалистов-географов (заметим, в том числе и некоторых физико-географов), а также все не географы употребляют составляющую этого термина — ландшафт в понимании, весьма далеком от классического ландшафтоведения. Одни специалисты делают акцент на духовную, другие — на этническую, третьи — на смысловую составляющие ландшафта, в последнем случае ландшафт как бы наделяется разными смыслами — символами, фольклором и т. д.

Наиболее далеки в представлениях о культурном ландшафте от фундаментальной, а не внешней природной составляющей и, к сожалению, от понятия «кормящий ландшафт» В. Л. Каганский (герменевтика ландшафта) и, в меньшей степени, Р. Ф. Туровский (в его понимании ландшафт это пейзаж), хотя исследования последних интересны и значимы. При этом обычно под термином ландшафт, как за рубежом, так и в России подразумевается скорее территория, а иногда пейзаж. При таком подходе, разумеется, главным в понятии является культурная составляющая. Понятие территория, особенно понимаемое как «месторазвитие» (термин Л. Н. Гумилева [25]), также несет значительную информацию и о природных особенностях. Поэтому беспокойство ландшафтоведов напрасно, также как реакция биологов-экологов на расширенное использование понятия экология.

Разумеется, для географов-естественников ландшафт является фундаментальным понятием. Занимаясь вопросами культурной географии в исследованиях феноменов

культуры, они используют либо компонентный (более глубокий), либо комплексно-географический, позволяющий выявлять многие взаимосвязи, подход. Географы-обществоведы, изучая явления национальных культур с позиции социально-политических наук, чаще оперируют понятием географическое пространство, а не ландшафт.

В отличие от встречающегося представления о культурном ландшафте, как исключительно духовном понятии, целесообразнее и правильнее рассматривать его как смешанный природно-культурный феномен. В этом случае не только сохраняется научное представление о самом термине «ландшафт», принятое в России, но и еще раз подчеркивается первичность природной основы для дальнейшего развития на ней «надстройки» — духовных ценностей, как, говоря словами Ю. А. Веденина, видимых, материальных, так и невидимых (народные обычаи, песенное творчество).

Поскольку составной частью исследований культурной географии являются не только пространственные закономерности явлений культуры, но и их временная изменчивость, для географов-естественников представляется важным изучение явлений цикличности и эволюции культурных ландшафтов, прежде всего их природной основы, а также проведение палеогеографических исследований.

Отличительная особенность нового направления — междисциплинарность. Среди научных гуманитарных дисциплин, на стыке с которыми развивается культурная география, отметим главные: история, археология, этнография, лингвистика и топонимика, семиотика, а также фольклористика, искусствоведение, религиоведение, краеведение.

В ходе истории макромасштабные природные и общественные процессы приводят к гибели и возрождению целых цивилизаций и соответственно присущих им культур. При этом в масштабе больших географических регионов и тем более всей планеты велика роль природных катастроф. Вспомним историка и географа Л. Н. Гумилева, показавшего влияние крупномасштабных изменений климата на миграцию целых народов, отразившуюся, в конечном счете, на их менталитете и культуре. Как показал английский этнограф Дж. Фрэзер, на культуру народов планеты, этногенез, в частности, повлияли великие «вселенские» наводнения (потопы).

Исторические процессы имеют не только духовную, незримую составляющую, но и отражаются непосредственно на местности. Культурные процессы разных исторических эпох создают специфику ландшафтов. Они делают культурный ландшафт (его надстроечную часть) многослойным. Практически в каждом ландшафте можно увидеть элементы его освоения, присущие разным историческим эпохам. Так, несомненно, во многих ландшафтах сохранились элементы их сельскохозяйственного освоения, отчетливо прослеженные В. С. Жекулиным в частности для Новгородской области. Специфическим элементом культурной надстройки ландшафтов некоторых областей России, в особенности Ленинградской области, являются дворянские усадьбы, окруженные садами и парками, в основном созданные в XIX в. (Т. Е. Исаченко).

Характерной особенностью культурных ландшафтов Северо-Запада является система древних сухопутно-водных путей сообщения (включая каналы и водно-волоковые пути). Они маркируются заброшенными поселениями, часовнями, церквями и т. д. (Д. В. Севастьянов с соавт. [26]). Изучение полузабытых водно-волоковых путей полевыми исследованиями позволит по-новому осветить вопросы освоения этой территории.

Значимым из направлений культурной географии является исследование взаимосвязи археологических феноменов с окружающей природной обстановкой. Одним из

тех, кто еще в 60-е годы начал активно развивать представление о роли географического подхода в археологии, был археолог С. И. Руденко.

Собственно говоря, полевая археология всегда «уходила своими корнями в природу». Вмещающий ландшафт определяет самые разные аспекты древнейших поселений и сооружений, их приуроченность к элементам ландшафта. Как сейчас доказывается, расположение археологических памятников, и зачастую их предназначение во многом определяется геофизическими или геохимическими свойствами местности, геологическими, климатическими и прочими особенностями ландшафта территории, а также расположением небесных тел на данной широте. В частности исследуются взаимосвязи археологических памятников с природной обстановкой, с изменениями ландшафтов, а также, совместными усилиями астрономов, географов и археологов, с астрономическими явлениями (астроархеология). В России долгое время роль природной среды в разрушении в историческом прошлом отдельных памятников, падении городов и даже государств, в отличие от зарубежной науки, явно недооценивалась. Напротив, существовал перекос в учете социальных причин.

Одна из интересных работ по культурной географии с акцентом на археологические памятники Средневековья (городища, кладбища, клады и др.) была выполнена для Камско-Вятского района [27]. Их расположение оказалось далеко не случайным и обусловленным особенностями компонентов ландшафта. Изучение связи археологических памятников с элементами окружающей среды иногда позволяет выявить их не умоглядное, а истинное предназначение. Так Г. Н. Параниной было показано, что распространенные на Русском Севере каменные лабиринты являлись древними календарями. В их центре устанавливался гномон и производились замеры его теней с фиксацией их положения с помощью камней [28–29].

Природоведческий подход при изучении наскальных рисунков и, в частности на островах в русле р. Выг в Беломорье, позволил увидеть, что зачастую они выбивались для выделения тех участков ландшафта, устойчивые элементы которых (рельеф, тектонические трещины) совпадают с важными календарными направлениями (азимутами восходов и заходов Солнца) в местах или на путях морского промысла и охоты, в отдельных случаях для акцентуации применяется даже схематичное изображение календаря в руках человека [29]. Петроглифы также являются первыми образами пространства, передавая, по сути, картографическую информацию. Одно из таких мест, например, показано специально выбранными сходящимися в виде стрелы трещинами в скалах, в соответствии с которой и следуют охотники-лыжники [30].

Одним из главных научных направлений, с которым стыкуется культурная география, является этнография (этнология), наука о народах, этнических группах, их происхождении, обычаях, составе, расселении и т. д. Как известно этнография ранее входила в круг географических дисциплин в СПбГУ. Эта наука разрабатывалась и преподавалась на географическом факультете. Позднее эту дисциплину перевели на исторический факультет. Этнография стала более идеологизированной и оторванной от природы. Впрочем, этнография всегда сохранялась в работе комиссии Русского географического общества.

В рамках культурной географии изучаются пространственные этнокультурные особенности разных народов [17, 20, 31]. Большое внимание при этом уделяется исследованию влияния разных природных факторов на эти особенности. Во многом это связано с именем известного историка и географа Л. Н. Гумилева. Им было предложено такое

понятие как «месторазвитие» народа [25], критикуемое, как и вся его теория, особенно после смерти Гумилева отдельными специалистами, забывающими истину о том, что человек и в самом деле биосоциальный феномен. Этническая составляющая в культурной географии ориентирует ее развитие в самых разных направлениях.

Пространственные природные особенности территории проживания на Русском севере русских-поморов, саамов, ненцев, влияющие на их самосознание, обычаи, культуру, позволили Н. М. Терехину утверждать о существовании в Евро-Арктическом регионе соответствующих этнокультурных ландшафтов [14]. Автор, анализируя различия освоения географического пространства народами тундры — ненцами и саами с одной стороны и народа леса — коми с другой стороны, подчеркивает фундаментальную роль образа леса в традиционной культуре коми.

Именно лес у народа коми, будучи обобщенным в народном представлении как феномен антимира, стал центром заколдованного пространства, противоположностью месту расселения жителей деревень. И хотя сами этнокультурные ландшафты Н. М. Терехиным не дифференцированы, организованные им в Поморском университете в Архангельске масштабные исследования, в том числе полевые, и проводимые конференции весьма значимы [31].

Изучение фольклора, народных орнаментов помогает понять недостаточно исследованные особенности восприятия элементов окружающей среды, преломленные сквозь специфику культуры разных этнических групп. В. Н. Калущков с соавторами, исследуя фольклорные тексты и народные песни Русского Севера, впервые показали роль природных факторов в их формировании, особенности пространственных различий [11].

Непосредственные связи свойственны культурной географии и культурологии, также сравнительно новой в России науки, в центре исследования которой — культура, как целостное образование, функция и модель человеческого существования. Культурная география ориентируется на исследования географических факторов особенностей возникновения и распространения культур планеты. Привлекает внимание работа «Ландшафт в зеркале культурологии» Е. Ю. Колбовского.

Получает развитие и стыковка географии с такими науками как лингвистика, наука о языках и литературоведение — наука о художественных произведениях как явлениях культуры, искусствоведение — наука о произведениях искусства [7, 32]. На развитие контактов географии с литературой и искусством значимую роль сыграли работы, посвященные образам окружающего пространства и, прежде всего краеведа Н. П. Андиферова и филолога Д. С. Лихачева. Современные основополагающие исследования в этом отношении выполнены географом Д. Н. Замятиным [13].

Заметим, что лингвистика стыковалась с географией и раньше в разделе топонимика (междисциплинарном научном направлении, возникшем на гранях географии, истории и лингвистики). В настоящее время в культурной географии используются и другие разделы лингвистики, в том числе особенности распространения диалектов, языковых географических терминов. Так в работе А. А. Соколовой рассмотрены вопросы отражения ландшафтной дифференциации в региональных системах народных геофизических терминов (на примерах Забайкалья и Европейского Севера) [33].

Английская исследовательница O'Donnell [5] убеждена, что помимо природного ландшафта в Шотландии выделяются лингвистические ландшафты: британский, шотландский и гэльский. Каждый из них отличается по группам населения, говорящим на выше отмеченных языках, а также по некоторым внешним признакам. Таковыми, в

частности для гэльского ландшафта, являются дорожные знаки с надписями на гэльском языке. Разумеется, исследование выиграло бы при связке языковых особенностей с этническими, а последних — с природными.

В зоне внимания культурной географии — наследие человечества, как материальное, так и духовное. Причем в настоящее время особое внимание уделяется, прежде всего, исследованиям памятников историко-культурного и природного наследия регионального, национального и мирового уровней, во многом будимых поистине планетарным размахом работы ЮНЕСКО [9, 26, 31, 34, 35]. При этом памятники наследия (зачастую и природные, например, национальные парки) рассматриваются не только как часть географического, но все чаще как элемент геокультурного пространства. Выделяются не только памятники смешанного типа — природно-культурные, но и культурные ландшафты. Примером такого рода объектов наследия, например, являются исторические парковые ансамбли, изученные в Воронежской области [Шереметьев В. И., Григорьев Ал. А.].

Для выделения памятников наследия несомненный интерес представляют исследования на стыке географии и искусства [7], в том числе работа классического ландшафтоведа В. А. Николаева, посвященная дизайну и эстетике ландшафта. Заметим, именно при изучении Наследия любого уровня культурная география, как интегрирующая знания ряда естественных и гуманитарных наук, особенно востребована в рамках такого комплексного географического направления, как страноведение.

Одним из направлений исследования является сакральная (священная) география (география священных мест), которая в частности занимается анализом возникновения ландшафтной приуроченности, связи с природными феноменами сакральных объектов [29, 30, 31, 36]. Разумеется, география сакральных мест тесно контактирует с религиоведением. Религиозные представления, восходящие к первичному мироощущению окружающей среды в процессе исторического развития, становились специфическими у разных этнических групп.

Священные места, природные и природно-рукотворные, позволяют дифференцировать культурные ландшафты как в пределах одной страны, так и разных стран планеты. Заметим, что объектами изучения священной географии являются не только религиозные святыни, но и святыни нашей культуры (такие, например, как Невский пятачок или дворцово-парковый ансамбль Петергофа). В одной из отечественных работ на примере Вологодской области показана роль различных историко-географических факторов (в том числе природных) в возникновении и распространении монастырей (Соколова Е. Н.).

Сакральность — важный атрибут любой культуры, она концентрирует самые сокровенные и значимые знания об окружающей среде, существовании в ней человека. Поэтому сакральная география — ключевое, осевое направление культурной географии. Ведь не случайно также, что поиски элементов сакральности пронизывают исследования археологов и этнографов. Впрочем, в большей или меньшей степени они свойственны современной культуре любого народа.

В макромасштабе ощутимый вклад в сакральную географию внесли не географы, а философы — Мирче Элиаде и Рене Генон, а в России — А. Дугин и Н. Теребихин. А. Дугин пытается найти в сакральности, привязываемой им к большим географическим пространствам, ключ к формированию древних цивилизаций и, прежде всего, контуров русской цивилизации [37]. Н. М. Теребихин, размышляя и анализируя различные

проявления русской культуры, убедительно показывает сакральность ландшафтов Поморья на Европейском русском Севере [14].

Сакральность, как важное свойство **любых** культурных ландшафтов, в значительной степени определяется особенностями компонентов природной среды [29, 30, 36]. Сакральные места, фиксирующие особые, специфические «точки» на земной поверхности, как правило, отличаются длительностью существования — контакта с людьми. Несомненно, это связано с тем, что многие из них изначально использовались как места наблюдений за небесными светилами с целью ориентировки во времени, а также ориентирами для перемещения в пространстве [29].

Наконец, самое главное — сакральность не просто формировалась в зависимости от свойств окружающей среды. Сакральные места, а они являются своего рода особыми, возможно, энергетическими точками любого культурного ландшафта, обязательно включают в себя такие элементы ландшафта, как, например, цепочки холмов, тектонические трещины, которые служили важными ориентирами в пространстве и во времени и к которым приурочивались и «подстраивались» те или иные сооружения священных комплексов древности. Это показывают, например, исследования древнего священного комплекса в Салбыке в Хакасии [29, 38, 39].

Среди направлений культурной географии — семиотическая география, на самом деле метанаука, разумеется, выходящая по своей проблематике далеко за пределы географии. «Родная сестра» сакральной географии, она также занимает одно из ключевых мест в системе направлений культурной географии. Первыми отечественными публикациями в этой области явились работы А. С. Литвина и В. Ю. Смольникова. Вместе с тем за рубежом изучением символики ландшафта занимаются многие годы [3, 4], впрочем, достаточно оторвано от самой сути — природы изучаемого феномена. Зарубежные специалисты в своих исследованиях обычно изучают знаки внешних элементов ландшафта, а точнее — пейзажа.

Наука о знаках, символах и образах в географии позволяет выявить важные, ключевые моменты, события в развитии этнических групп, государств. Знаки и образы геокультурной обстановки, создаваемые памятниками наследия, позволяют лучше понять особенности той или иной страны. При этом среди знаковых феноменов могут выступать как древнейшие знаки, цветковые особенности, гербы, а также знаковые личности, памятники природного и культурного наследия, города, этнические особенности и т. д. [40–43]. Древние культурологические символы становятся по-новому объясненными и понятными благодаря привязке их к первооснове — природной обстановке. Осмыслению знаковости геокультурных феноменов ландшафтов Поморья посвящены исследования Н. М. Теребихина [14–15].

Концепция лабиринтов — древнейших календарей [29], согласно которой знак лабиринта распространялся на планете не с юга — из Египта или Греции, а с Севера, на наш взгляд, подкрепляет представления о существовании забытой древней Арктической цивилизации. Важно отметить, что такое представление о предназначении каменных лабиринтов, распространенных преимущественно на Севере, смогло появиться только в результате исследования их пространственного положения на местности относительно стран света и полевых экспериментов и моделирования теней гномона в пространстве лабиринта. Не трудно видеть, что во многих из перечисленных направлениях культурной географии весьма роль специалистов естественной ветви географии. На этот ее аспект нами обращено большее внимание.

Весьма разнообразные аспекты культурной географии изучаются специалистами в области общественной географии. Среди основополагающих работ — публикации Ю. Н. Гладкого, А. И. Чистобаева, Д. Н. Замятина, В. Н. Стрелецкого. При этом нередко такие контакты наблюдаются на стыке с этнографией (этнологией).

В центре внимания географов-общественников оказываются как макромасштабные пространственные различия культур разных народов, в том числе культур разных цивилизаций планеты, вопросы этнокультурного или историко-культурного районирования, так и самые разнообразные «частные» вопросы. В зоне контакта с экономической или социальной географией являются такие работы последних лет как: «Проблемно-программный подход к сохранению и использованию культурного наследия в субъектах Российской Федерации» (Самсошко Е. Н.), «Этнолингвистическая география Западной Европы» (Метальникова Н. А.), «Этнокультурное развитие трансграничных регионов» (Герасименко Т. И.), «Геокультурное пространство Русской равнины: динамика, структура, иерархия» (Манаков А. Г.) Одним из новых направлений отечественной культурной географии является «Поведенческая география» (Шарыгин М. Д., Столбов В. А.).

Понятие феномена «культура» до сих пор имеет разные определения. Специалисты по общественной географии, справедливо причисляя себя к гуманитариям, значительно расширяют определения культуры, данное такими отечественными классиками, как, например, Н. К. Бердяев и Н. К. Рерих, которые признают основополагающим в любой культуре духовное, нравственное начало. Так, согласно Н. К. Бердяеву, «Культура связана с культом предков, с преданиями и традицией. Она полна священных символов, в ней даны знаки и подобию иной духовной деятельности» [23].

Расширенное представление о феномене «Культура» географов-общественников, по сравнению хотя бы с определениями упомянутых выше классиков и знатоков культуры, вполне закономерно, поскольку в поле их деятельности в основном не традиционная, а современная культура. Последняя зачастую бездуховна, безнравственна (например, некоторые виды производственной культуры, военная культура). Есть ли духовное начало в политической культуре, связанной с теоретической и практической деятельностью на обширных географических просторах России, у известных экономистов Е. Гайдара и А. Чубайса? Пусть на это ответят специалисты географы-обществоведы, занимающиеся географическими вопросами политической культуры. Впрочем, если вспомнить представление о культуре древних римлян, которые рассматривали это понятие очень широко, но обязательно связывая его с духовной составляющей, то и возделывание земли, по их мнению, невозможно без вкладывания в это дело души.

Не удивительно, а вполне закономерно, что, рассматривая вопросы современной культуры, хотя все-таки в той или иной мере и пронизанной традициями, специалисты выделяют такие ее географические разделы, как политическая культура, экономическая культура, экологическая культура. С учетом представлений древних римлян (да и греков), в этих понятиях, в том числе и в «производственной культуре», обязательно должно быть духовное, нравственное начало. Что касается экологической культуры, рассмотренной в частности в работе [44], то в этом у авторов данной статьи нет никакого сомнения.

Авторы подчеркивают связь различных явлений культуры в самом широком смысле с различными феноменами, прежде всего изучаемыми физической географией, с природой. Разумеется, существуют одновременно и многочисленные нити связей куль-

турной и социальной географии. Однако социальная география трансформирует первичные знания, полученные человеком об окружающей среде. В этом и только в этом отношении они дают больше для понимания «корней» многих, если не всех явлений культуры, будь то народные орнаменты, лабиринты, песенное творчество, мегалиты, петроглифы, архитектурные памятники и т. д., во всяком случае, в отношении их первичного генезиса.

Культурной географии и, прежде всего, культурному ландшафту свойственна обширная информация (память) о человечестве, его взаимоотношении с природой и создании выдающихся памятников культуры. Ее трансляция от культуры к культуре нарушается, поскольку развитие цивилизаций циклично и периоды их расцвета (вспомним эпохи культуры Мегалитов, Античности и Ренессанса) чередуются с периодами падения, запустения. Огромный объем информации, который заключали прошлые культуры, сохраняющийся только частично в виде материальных, а в большей степени духовных следов, запечатленный в виде разнообразных, зачастую пока еще не читаемых знаков, может быть в определенной степени раскрыт и освоен также и исследованиями географов.

На основании собственных исследований, в том числе полевых, и анализа разработок отечественных и зарубежных исследователей, в основном не рассматриваемых здесь ввиду основательного обзора, выполненного Ю. Н. Гладким [16], сформулируем некоторые выводы.

1. Центральным звеном, своего рода ядром культурной географии является сакральная география, грубо говоря. С сакральности начинается любая культура, она «пронизывает» и отличает любую национальную культуру. Разумеется, это не означает, что сакральная география, как общественно-естественная дисциплина, должна быть главным и широко распространенным направлением исследований, однако она может послужить их ключевым звеном. Она должна быть всегда и у всех «на уме». При этом следует исходить из того, что основой (критерием) сакральности с древности является *сохранение информации, обеспечивающей непрерывность Жизни.*

2. Наиболее результативным методом исследований в области культурной географии может послужить выделение этнокультурных ландшафтов, поскольку последние содержат в себе наиболее полную информацию историко-культурного характера. При этом в качестве дополнительных характеристик может быть привлечена разнообразная ментальная (духовная) информация, также являющаяся носителем памяти о ландшафте.

3. Важную геокультурную информацию заключают в себе знаки и символы, присущие различным элементам культурных ландшафтов, дешифровкой которых занимается семиотическая география, как ключевой раздел культурной географии.

4. Культурную географию, несомненно, в отличие от мнения многих зарубежных и единичных отечественных авторов, нельзя приравнять (отождествлять) к (с), так называемой гуманитарной географии.

5. Хотя культурная география и является составной частью гуманитарной географии, в терминологии зарубежных авторов, или научным географическим направлением, явно тяготеющим к общественным наукам, в понимании отечественных географов, она имеет глубокую связь с природной составляющей, географическим ландшафтом или географическим пространством.

6. Оперирование только территориальными (геопространственными) различиями в изучении феномена культуры затрудняет понимание «корней» любой культуры, рост которых определяется природными, в том числе ландшафтными условиями.

7. В изучении географами феномена «культура» наблюдается определенное тяготение естественников к изучению явлений традиционной культуры прошлых исторических эпох и общественников — к исследованию явлений современной культуры в основном XX–XXI вв. Впрочем, этнические особенности — в поле зрения и тех и других.

8. Процессы глобализации, обуславливающие все больший отрыв человека от природы, приводят к исчезновению традиционной национальной культуры, стиранию граней культурно-географических различий.

9. Интерес к культурной географии велик, о чем свидетельствуют упомянутые ежегодные Поморские чтения по семиотике культуры в Поморском университете в Архангельске, известные семинары, проводимые в Институте Наследия РАН в Москве и в МГУ. Среди них и новый семинар «Этнокультурная география и семиотика географического пространства», проводимый дважды в месяц уже год на базе РГПУ им. А. И. Герцена в СПб. Его организаторами и кураторами являются авторы, собирающие докладчиков из Петербурга (СПбГУ, Эрмитаж, Пулковская Обсерватория), Москвы, Архангельска, Мурманска и других городов.

Становление культурной географии (по [16] — институционализация) состоялось, хотя выработка ее единой терминологии и понятий еще не завершилось. Привнесение в нее информации, создаваемой разработками филологов, культурологов, социологов, философов, следует только приветствовать.

10. «Шаг к истокам» (см. заголовок статьи) — всего лишь рекомендация. Он, несомненно, полезен всем, особенно в переломные эпохи, на пути духовного поиска.

Исследование выполнено в рамках гранта СПбГУ: 183790.2011.

Литература

1. The iconography of the landscape: essays on the symbolic representation, design and use of the past environments / Eds. S. Daniels, D. Cosgrove. Cambridge, 1998. 456 p.

2. *Esposito M., Cavelzani A.* The world heritage and cultural landscapes // PASOS. Revista de turismo y patrimonio cultural. Vol. 4, N 3. 2006. P. 57–63.

3. Sacred geography / ed. by Bradley // World archaeology. Vol. 28. N 2. 1996. P. 34–45.

4. *Parc C. C.* The sacred worlds. An introduction to geography and religion. Routledge. London a. N-Y., 1994. 346 p.

5. *O'Donnell H.* Landscapes: physical, linguistic, symbolic // Концепт и культура. Кемерово, 2008. С. 52–63.

6. *Веденин Ю. А.* Проблемы формирования культурного ландшафта и его изучения // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1990. № 1.

7. *Веденин Ю. А.* Очерки по географии искусства. М., 1997. 257 с.

8. *Веденин Ю. А., Шутьгин П. М.* новые подходы к сохранению и использованию культурного и природного наследия в России // Изв. РАН. Сер. геогр., 1992. № 3. С. 41–52.

9. Культурный ландшафт как объект наследия / под ред. Ю. А. Веденина, М. Е. Кулешовой. СПб., 2004. 378 с.

10. *Калуцков В. Н.* Ландшафт в культурной географии. М., 2008. 389 с.

11. *Калуцков В. Н., Иванова А. А., Давыдова Ю. А., Фадеева Л. В., Родионов Е. А.* Культурный ландшафт Русского Севера. Пинежье, Поморье. М., 1998. 148 с.

12. Дружинин А. Г. Теоретико-методологические основы географических исследований культуры: автореферат дис. ... д-ра геогр. наук. СПб., 1995. 42 с.
13. Замятин Д. Н. Гуманитарная география: пространство и язык географических образов. СПб., 2003. 340 с.
14. Терехихин Н. М. Сакральная география Русского Севера (религиозно-мифологическое пространство северорусской культуры). Архангельск, 1993. 350 с.
15. Терехихин Н. М. Метафизика Севера. Архангельск, 2004. 290 с.
16. Гладкий Ю. Н. Культурная география: трудности институционализации // Изв. Русск. Геогр. о-ва. 2010. Т. 142. Вып. 6. С. 23–31.
17. Гладкий Ю. Н., Чистобаев А. И. Культурно-исторические макрорегионы мира // Регионоведение. М., 2002. С. 147–359.
18. Стрелецкий В. Н. Культурная география в России: особенности формирования и пути развития // Известия РАН. Сер. геогр. 2008. № 5. С. 56–63.
19. Манаков А. Г. Геокультурное пространство Северо-запада Русской равнины: динамика, структура, иерархия. Псков, 2002. 258 с.
20. Чистобаев А. И. Культурное пространство как элемент общественно-географической системы // Междунар. Лихачевские чтения. Гуманитарное пространство как фактор преобразования России. Интернет-сообщения. СПб., 1998. <http://www.lihachev.ru/chten/1998izbrannoe/5759/5761/?bpage=1>.
21. Исаченко А. Г. О двух трактовках понятия «культурный ландшафт» // Изв. Русск. Геогр. о-ва. 2003. Т. 135. Вып. 1. С. 43–51.
22. Исаченко Г. А. Культурный ландшафт как объект дискуссии // Культурный ландшафт: теория и практика. Материалы юбилейной научной интернет-конференции. М., 2003. <http://www.kultland2003.narod.ru/1-1.html>.
23. Бердяев Н. К. Смысл истории. М., 1990. 243 с.
24. Рерих Н. К. Культура и цивилизация. М., 1994. 42 с.
25. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989. 496 с.
26. Севастьянов Д. В., Коростелев Е. М., Зелоткина Л. О. Водно-волоковые пути — объекты историко-культурного наследия Русского Севера / География: наука и образование в системе «общество — школа — университет». СПб., 2007. С. 24–31.
27. Шутова Н. И., Капитонов В. И., Кириллова Л. Е., Останина Т. И. Историко-культурный ландшафт Камско-Вятского региона. Ижевск, 2009. 290 с.
28. Паранина Г. Н., Паранин Р. В., Субетто Д. А. Северный лабиринт — отражение арктического пространства и времени // Изв. Русск. Геогр. о-ва. 2009. Т. 141. Вып. 6.
29. Паранина Г. Н. Свет в лабиринте. Географическое пространство, время, информация. СПб., 2010. 124 с.
30. Григорьев Ал. А. Священные места Озерного края России. СПб., 2010. 368 с.
31. Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера / под ред. Н. М. Терехихина. Архангельск, 2006. 351 с.
32. Григорьев Ал. А. Географические аспекты экологии и литература // Изв. Русск. Геогр. о-ва. 1992. Т. 124. Вып. 1. С. 34–41.
33. Соколова (Семенова) А. А. Ландшафт в системе традиционных пространственных представлений: географическая интерпретация диалектных образов. СПб., 2007. 292 с.
34. Григорьев Ал. А. Природные достопримечательности и памятники наследия как объекты страноведения // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 7, 2007. Вып. 4. С. 38–50.
35. Паранина Г. Н. Наследие каменного века — основа геокультурного пространства / Сб. Сбалансированное развитие Северо-Запада России: современные проблемы и перспективы. Псков, 2009. С. 54–60.
36. Григорьев Ал. А. География священных мест / Сб. Географические проблемы XX века. СПб., 1998. С. 232–248.
37. Дугин А. Г. Мистерии Евразии. М., 1996. 340 с.

38. *Марсадолов Л. С.* Палеоастрономические, метрологические и религиозные аспекты больших курганов и святилищ Южной Сибири в I тысячелетии до н. э. / Сб. Астроархеология — естественно-научный инструмент познания протонаук и астральных религий жречества древних культур Хакасии. Красноярск: «Город», 2009. С. 59–72.

39. *Марсадолов Л. С., Паранина Г. Н., Угдыжеков С. А., Боргояков В. Г.* Информационный анализ сакрального пространства Салбыкской долины // Современные трансформационные экономические и социально-политические процессы. Тезисы докладов II международной научно-практической конференции (Абакан, 27–29 октября 2010 г.). Абакан, 2010. С. 132–138.

40. *Григорьев Ал. А.* Знаковые феномены геокультурного пространства Европейского Севера в произведениях Н. К. Рериха // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 7. 2010. Вып. 3. С. 72–81.

41. *Григорьев Ал. А.* Роль знаков, символов и образов в географическом страноведении // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 7. 2009. Вып. 3. С. 98–110.

42. *Паранина Г. Н.* Отражение пространства и времени в древних символах (на примере знака Рюрика) // Общество, среда и развитие. 2010, № 2. С. 37–44.

43. *Паранина Г. Н.* Пространство и время в древних символах // География: проблемы науки и образования / LXIII Герценовские чтения. СПб., 2010. С. 45–51.

44. Экологическая культура населения: взгляд петербуржцев. Монография / под ред. А. И. Чистобаева. СПб., 2005. 245 с.

Статья поступила в редакцию 22 марта 2011 г..